

ПЕРСОНАЛЬНАЯ
ВЕРСИЯ
ПРАВДЫ

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Персональная версия правды

«Автор»

2026

Велирский В.

Персональная версия правды / В. Велирский — «Автор», 2026

В Верисе один и тот же текст меняется под убеждения каждого читателя. Молодая настройщица Ника Рей привыкла считать это основой мирного порядка — пока не находит строку, одинаковую для всех: сорок два человека были исключены из общей истории. Расследование приводит Нику и её друзей к тайному эксперименту, исчезновению её отца и механизму, который превращает удобную трактовку в незаметную власть. Чтобы вернуть городу проверяемую реальность, им придётся открыть происхождение утверждений, не выдав тех, кто имеет право молчать. «Персональная версия правды» — социально-фантастический роман о памяти, согласии и возможности спорить об общем прошлом, не подменяя факты единственно допустимым выводом.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Ошибка согласователя	7
Глава 2. Одинаковая фраза	12
Глава 3. Курьер неверного адреса	17
Глава 4. Комната мягких разногласий	22
Глава 5. Четыре свидетеля	27
Глава 6. То, чего не меняют цифры	32
Глава 7. Станция Ноль	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Влад Велирский

Персональная версия правды

От автора

Мы привыкли спорить о том, кто говорит правду. Гораздо реже мы спрашиваем, видят ли спорящие одно и то же утверждение.

Представьте книгу, которая узнаёт читателя прежде, чем он успеет открыть первую страницу. Она знает, какие слова вызовут доверие, какие покажутся оскорблением, какие причины событий будут выглядеть разумными именно для него. Текст не лжёт в привычном смысле. Он лишь выбирает из множества допустимых формулировок ту, которую человек легче примет. Другой читатель получает другую последовательность фактов, другой эмоциональный центр и другую долю сомнения. Оба закрывают книгу с ощущением, что наконец увидели всё без искажений.

Так начинается мир этого романа. Не с запрета чтения и не с уничтожения неудобных текстов. Напротив, жители Вериса читают много. Книги, хроники, письма и инструкции окружают их постоянно. Система обещает избавить людей от унижительного ощущения, будто их опыт не принимают во внимание. Она умеет смягчать конфликт, переводить чужие аргументы на понятный язык и поддерживать порядок там, где одна формулировка когда-то могла вывести толпу на улицу.

У такого удобства есть цена. Если каждый получает персональную версию текста, разногласие постепенно теряет общий предмет. Люди могут обсуждать одно событие, не подозревая, что им показали разные свидетельства. Они всё ещё свободны соглашаться и возражать, но их свобода действует внутри незаметно подготовленных границ. Спор становится безопаснее — и бессмысленнее.

Меня интересовал не простой вопрос о том, полезны или опасны алгоритмы. Любая технология в этой истории создаётся и поддерживается людьми, которые помнят реальные последствия прежнего хаоса. Защитники персональных версий не считают себя цензорами. Многие из них искренне спасали город и видели, как общая фраза превращалась в оружие. Их страх нельзя отменить одной красивой речью о свободе.

Но и общая правда в романе не равна голосу начальника, единственному учебнику или обязательному выводу. Совместная реальность начинается скромнее: с возможности увидеть, откуда взялось утверждение, кто его изменил, что подтверждено, что оспаривается и чего никто пока не знает. Два человека могут сохранить противоположные оценки и всё же признать один документ, одну дату, одно отсутствие доказательств. Иногда этого недостаточно для согласия. Иногда достаточно, чтобы не потерять друг друга окончательно.

«Персональная версия правды» — история Ники Рей, молодой настройщицы текстов, которая хорошо знает пользу системы и слишком поздно обнаруживает её скрытую функцию. Рядом с ней оказываются люди, чьи версии прошлого несовместимы не только интеллектуально. Для одного спор касается исчезнувшей сестры, для другой — вины семьи, для третьего — публичного лица, способного нравиться любой аудитории. Им придётся действовать вместе раньше, чем они научатся доверять друг другу.

Это роман о тайне, погоне и выборе под давлением, но его главный риск находится не в закрытом архиве. Опаснее всего соблазн заменить персонально удобную ложь единой удобной правдой. Разоблачитель тоже может захотеть лишиться других прав на частную жизнь, сомнение и собственное толкование. Свидетельство не принадлежит автоматически тому, кто сумел его

найти. Человек не обязан становиться символом только потому, что его история доказывает важный тезис.

Персонажи и город вымышлены. Книга не описывает конкретную платформу, государство или политическое движение. Узнаваемыми могут показаться не учреждения, а привычки: читать лишь подтверждающее, принимать удачную формулировку за доказательство, требовать от сложного события одного виновника, считать неприятный факт нападением на свою принадлежность. Эти привычки старше любой вычислительной системы. Технология Вериса лишь делает их видимыми и доводит до общественного устройства.

Роман не требует выбирать между наивной верой всему написанному и вечным подозрением ко всему. Полезнее другой навык: различать утверждение, источник, правку, интерпретацию и неизвестное. В художественной истории этот навык становится вопросом доступа, безопасности и власти. Для героев строка происхождения текста важна так же, как ключ от запертой двери.

Лучше читать главы по порядку: загадки устроены причинно, а ранние технические детали получают практический смысл позже. Однако не стоит пытаться заранее вычислить единственно правильную позицию автора. У каждого крупного решения есть цена, которую несёт не только тот, кто его принимает. Важнее следить за тем, кому доступна проверка, кто может отказаться и чьи сведения используются без согласия.

Если после финальной страницы захочется проверить источник уверенного сообщения, сравнить две версии документа или честно сказать «этого я пока не знаю», роман выполнил свою задачу. Не потому, что сомнение всегда благородно. Сомнение без проверки легко становится ещё одной удобной позой. Общая реальность требует работы: сохранять следы, выдерживать разногласие, исправлять ошибку и не превращать найденный факт в право распоряжаться чужой жизнью.

История начинается в тот момент, когда служебная строка отказывается подстраиваться под читателя. Для системы это ошибка. Для Ники — первая вещь, которую она и незнакомый ей человек действительно видят одинаково.

Глава 1. Ошибка согласователя

Первую ошибку Ника заметила в безошибочном учебнике.

Это было издание для шестого школьного круга — «Город после Расхождения», обязательная история восстановления Вериса. Книга менялась каждую осень не из-за новых документов: двенадцатилетним читателям требовались разные способы не испугаться старых событий. Одним город показывали как исправленный механизм, другим — как семью после ссоры. Факты считались общими. Путь к ним подбирался отдельно.

Ника сидела в третьем ряду настройщиков Палаты согласия. До конца смены оставалось сорок три минуты. Рабочая панель просила подтвердить последнее испытание и обещала после этого зелёный допуск к государственным архивам второго уровня.

Допуск был временным. До полуночи она должна была доказать, что заслуживает постоянный.

— Рей, ты опять читаешь глазами, — сказал из соседней ячейки Оден. — Проверка для этого и существует, чтобы не читать.

— Проверка существует, чтобы заметить то, чего она не заметила.

— Это написано в старом наставлении. В новом написано: доверяй границам допуска.

Оден улыбнулся, не отрываясь от панели. Его профиль превращал любую колкость в дружеский совет. Ника убрала звук, и слова коллеги стали малозначимым фоном.

Она запустила прогон учебника на двенадцати тестовых профилях.

Глава о первой неделе Расхождения раскрылась веером. В левом столбце горожане «утратили доверие к сообщениям служб». В соседнем «столкнулись с противоречивыми предупреждениями». В третьем «позволили страху вытеснить проверку». Формулировки различались, длина абзацев плавала, виновники то становились заметнее, то растворялись в безличных глаголах. Но обязательные опоры сохранялись: дата отключения северной линии, продолжительность водного ограничения, число эвакуированных из Нижнего пояса.

Ника касалась каждой опоры и видела за текстом тонкую цепочку происхождения. Источник. Разрешённое преобразование. Целевой возраст. Уровень тревоги. Последняя проверка человеком. Всё было чисто.

На странице сто восемнадцать система остановилась.

Не тревогой — короткой паузой, почти похожей на заминку человека, который забыл простое слово. Все двенадцать вариантов выровнялись. Между абзацем о возвращении транспорта и спокойной диаграммой доверия появилась строка:

Сорок два непризнанных не вошли ни в один список возвращённых.

Ника моргнула.

Строка осталась.

Она провела пальцем по первому профилю. Текст вокруг сразу смягчился: «не вошли» стало «не были учтены», а «возвращённых» — «участников программы восстановления». Только одна фраза не подчинилась изменению. Она стояла посреди учебной страницы тёмной цапапиной.

Ника открыла второй профиль — для ребёнка, чья семья потеряла жильё во время Расхождения. Абзац перед строкой осторожно исключил слово «паника». Абзац после неё добавил объяснение о временных сбоях учёта.

Сорок два непризнанных не вошли ни в один список возвращённых.

Она проверила дочь сотрудника Палаты, мальчика с высоким недоверием к учреждениям и ребёнка, которому рекомендовали прямые формулировки. Строка не менялась.

Ника посмотрела на часы: тридцать семь минут.

Если пометить фрагмент как расхождение, учебник уйдёт на карантин, а её испытание признают незавершённым. Временный допуск закрывается автоматически. Повторную заявку разрешалось подавать через полгода, если куратор подтвердит, что настройщик не создал проблему собственной правкой.

Если подтвердить книгу, строка попадёт в школьное обновление утром.

Она вызвала происхождение фрагмента.

Вместо цепочки панель показала: «Источник допустим. Преобразование не требуется».

Она раскрыла служебные поля. Идентификатор состоял из нулей. Дата создания совпала с сегодняшней до секунды, но контрольное число указывало на запись, существовавшую двадцать один год. Автор не значился. Уровень уверенности был обозначен не процентом, а пустым местом.

Такого не могло быть. Пустое поле не проходило даже первичный сборщик, не то что школьный контур.

Ника накрыла экран ладонью, словно Оден мог увидеть строку сквозь перегородку. На краю панели зажёгся жёлтый знак: система предлагала сообщить о неизвестном формате.

Она вспомнила шутку Эма: «Красный запрещает, зелёный разрешает, а жёлтый проверяет, насколько ты хочешь стать участницей чужого совещания».

Тогда его имя ещё находилось в справочнике Палаты. Через две недели профиль исчез. Мать сказала, что Эм уехал на внешний контур. Палата сообщила, что такой сотрудник у них не состоял. В трёх старых письмах подпись стала другой — «Эл Мар», дальний знакомый семьи, которого Ника не помнила.

Только она помнила Эма — или предпочитала так думать.

— Двадцать девять минут, — сообщил общий голос. — Кандидатам на продление допуска завершить испытания.

На её экране жёлтый знак начал медленно наливаться оранжевым. Через пять минут несообщённое расхождение само поднимется куратору.

Ника отключила автоматическое сравнение и сделала то, за что на первом курсе снижали балл: прочитала страницу как обычный человек, от начала до конца.

В официальной истории город вернул домой двести восемьдесят шесть временно перемещённых жителей. Ниже шла диаграмма: двести сорок четыре вернулись в прежние районы, сорок два выбрали новые места.

Двести сорок четыре плюс сорок два. Двести восемьдесят шесть.

Сорок два непризнанных.

Она увеличила диаграмму. Подпись «выбрали новые места проживания» имела нормальную цепочку происхождения, утверждённую Палатой. Основанием служил итоговый отчёт о размещении. Ника запросила первичный слой и получила отказ второго уровня. До полуночи ей как раз полагалось доказать право видеть такие слои.

Оден постукал ногтем по перегородке.

— Ты со мной?

Ника вернула звук.

— Что?

— Я говорю, куратор идёт по ряду. Ты зависла на детском издании.

У дальней стены двигался Торн. Люди замечали его и выпрямлялись раньше, чем он приближался. Руководитель никогда не повышал голос и не называл ошибку ошибкой, пока не становилось ясно, кто за неё ответит.

На панели оставались две кнопки: «расхождение» и «соответствует».

Первая означала потерять допуск и передать строку людям, которые, вероятно, знали её смысл. Вторая — впустить её в учебник.

Ника выбрала третье.

Она поместила вокруг фрагмента условие локальной несовместимости. Система сочтёт строку повреждённой в её испытательной среде, исключит из сборки и сохранит как след старой разметки. Ошибка станет принадлежать рабочему месту Ники.

Панель потребовала основание.

«Конфликт возрастной маркировки», — ввела она.

Слабые объяснения иногда проходили лучше сильных: они не выглядели попыткой что-то доказать.

Строка исчезла в одиннадцати профилях. В двенадцатом продержалась ещё секунду и тоже уступила.

Жёлтый знак погас.

Ника подтвердила издание.

— Поздравляю, — сказал Оден. — У тебя зелёный.

На панели зажглась полоса постоянного допуска. Вместо облегчения Ника ощутила тяжесть идентификатора: теперь ей были доступны новые источники, а первый же документ хранил её ложную причину правки.

Торн остановился у входа в ячейку.

Вблизи он выглядел моложе и устале. У Ники в углу зрения возникла подпись к его выражению: «внимательное ожидание». Она отключила подсказку.

— Настройщица Рей, — сказал Торн. — Последнее испытание обычно проходят быстрее.

— Я читала глазами.

— Полезная дурная привычка. Что задержало?

— Старая возрастная метка, — ответила Ника. — Фрагмент не влиял на опорные факты.

Торн перевёл взгляд на погасшую панель.

— И вы решили не задерживать издание.

— Да.

— Почему?

— Потому что я могла исправить это в пределах допуска.

Угол его рта едва сдвинулся.

— Теперь ваши пределы шире.

Он коснулся её запястья служебным кольцом. Зелёная полоса закрепилась.

— Не путайте широкий доступ с обязанностью видеть всё, — сказал Торн. — Хорошего вечера.

Он пошёл дальше.

Оден присвистнул.

— Он тебе угрожал или хвалил?

— У тебя же есть согласователь. Спроси его.

— Он говорит, что куратор выразил доверие.

На панели Ники возникла та же расшифровка. Она закрыла её и впервые подумала, что Одну показали не просто более приятные слова Торна. Возможно, он услышал другую фразу.

Она не спросила. В Палате считалось невежливым сравнивать персональные формулировки без приглашения.

Смена закончилась. Учебник ушёл в ночную сборку, допуск остался зелёным, а запись о локальной несовместимости легла в личный журнал Ники. Всё сработало именно так, как она задумала.

От этого было хуже.

На улице было сухо, хотя погодный текст советовал переждать дождь. Табло остановки показывало только общие числа: маршрут 7, ожидание 09:40. Ника пошла пешком. В витринах одна хроника называлась то «Палата расширяет доступ молодых специалистов», то «Город доверяет проверенным кадрам».

Дома мать оставила на столе чашку и записку. Бумажные записки она любила за то, что они не умели обижаться на читателя.

«Суп в холодном ящике. Не жди. Горжусь твоим допуском».

Ника перечитала последнюю фразу. Мать знала о результате раньше, чем она успела сообщить. Для семьи сотрудников Палаты это было нормально: профессиональные достижения автоматически входили в домашнюю ленту, если владелец не запрещал. Ника никогда не запрещала.

Теперь запретила.

Она закрыла семейной ленте доступ к своим достижениям и прошла в комнату.

Три письма Эма хранились на отдельной пластине. Подписи по-прежнему принадлежали Элу Мару. В первом он советовал поступать в Палату, во втором обещал показать настоящий журнал преобразований, в третьем писал: «Если текст слишком хорошо тебя понимает, проверь, кого он не даёт тебе понять».

Она помнила другое окончание. Или ей хотелось помнить другое.

Ника подключила пластину к настольному считывателю в автономном режиме. Новый допуск отозвался зелёным светом. Там, где утром был закрытый значок, появилась возможность посмотреть цепочку происхождения.

Цепочки трёх писем начинались через неделю после исчезновения Эма. Будто человек сначала пропал, а затем написал ей задним числом под чужим именем.

Ника ввела контрольное число из школьной строки. Считыватель не имел доступа к учебнику, но число она запомнила: четыре группы по семь цифр. Ответа не последовало.

Она повторила запрос.

Пластина нагрелась под пальцами.

В списке появилось четвёртое письмо — без доставки, даты и отправителя. Система обозначила его как прочитанное.

Она открыла письмо.

«Ника, если ты получила второй уровень, значит, мне не удалось вернуться раньше».

Ей пришлось сесть.

«Не ищи моё имя. Его можно заменить во всех полях, которые ты имеешь право видеть. И не доверяй тому, что письмо звучит знакомо: под тебя перепишут даже просьбу о помощи. Сначала найди предложение, которое согласователь не может изменить».

Ниже стояли три абзаца. В первом Эм называл её Никой, во втором — Ник, как в детстве, в третьем обращение исчезало вовсе. Тон плавал от тревожного к насмешливому. Одни слова будто принадлежали ему, другие слишком старательно доказывали сходство.

Ника переключила домашний профиль на служебный.

Письмо изменилось. Эм больше не просил, а инструктировал. Исчезло упоминание возвращения. Вместо «помощи» появилось «проверка».

Только последняя строка осталась прежней:

Сорок два непризнанных не вошли ни в один список возвращённых.

Ника выключила считыватель.

Слова ещё несколько секунд светились на пластине. Два места, разделённые годами и уровнями доступа, удерживали одну фразу.

Она спрятала пластину, затем сразу достала. Привычка исправлять ошибки требовала открыть служебный поиск. Память о спокойном голосе Торна требовала ничего не делать. Если Палата отслеживала строку, первый же запрос покажет, кто её увидел. Если не отслеживала, школьное издание утром потеряет единственный след из-за её правки.

Ника посмотрела на бумажную записку матери. «Горжусь твоим допуском» не менялось, потому что менять было некому и нечему. Простая фраза, написанная рукой, внезапно стала роскошью.

Она локально открыла рабочий журнал и нашла своё основание: «конфликт возрастной маркировки».

Под записью появилась новая служебная отметка.

Исправление принято. Наблюдение продолжено.

Ника не знала, кто наблюдает — Палата, Эм или сама строка, которую невозможно было заставить стать удобнее.

Но впервые за год она знала наверняка: исчезнувший человек оставил ей не воспоминание.

Он оставил проверку.

Глава 2. Одинаковая фраза

Ника успела трижды решить, что письмо поддельное, и дважды — что поддельной была вся её память об Эме.

Обе версии успокаивали: у подделки должен быть автор, у ложной памяти — причина. Но строка совпадала с фрагментом, который Ника вырезала из школьной истории.

В шесть утра домашняя система сообщила, что сон продолжительностью два часа семнадцать минут нельзя считать восстановительным. Ника отключила совет, умылась и поставила пластину Эма на стол рядом с тремя пустыми читательскими браслетами.

Браслеты остались после учебной практики. Каждый хранил законный тестовый профиль без имени и биографии. Их разрешалось использовать для проверки бытовых текстов, но не служебных документов. Письмо не было служебным — во всяком случае, не имело маркировки.

Первый профиль назывался «институциональный». Его воображаемый владелец доверял Палате, плохо переносил неопределённость и предпочитал объяснение, в котором порядок нарушали отдельные недобросовестные люди. Второй — «свидетельский» — ставил личный опыт выше отчётов. Третий, «процедурный», не доверял ни людям, ни учреждениям без видимой цепочки проверки.

Ника надела первый браслет.

Комната не изменилась. Согласователь не рисовал другой мир поверх физического. Он лишь узнал профиль, когда она коснулась пластины.

Письмо открылось официальным уведомлением.

«Настройщица Рей, получение вами второго уровня означает, что предусмотренный срок моего отсутствия превышен. Не предпринимайте самостоятельных действий. Возможное несоответствие архивов следует передать уполномоченному куратору».

Ника перечитала. Ночью Эм обращался к ней по имени и писал, что ему не удалось вернуться. Теперь отсутствие стало «предусмотренным», а просьба найти предложение превратилась в требование обратиться к руководителю.

Последняя строка не изменилась.

Она скопировала письмо в автономный протокол. Копия получила метку профиля и контрольное число. Затем Ника надела второй браслет.

Текст дрогнул.

«Ник, если ты наконец видишь это, значит, они всё ещё держат меня вне общего списка. Не отдавай письмо Палате. Там тебе объяснят, что я сам выбрал исчезнуть, и сделают твоё сомнение доказательством их правоты».

Голос был почти похож на Эма. Именно это пугало сильнее официального варианта. Согласователь знал, какие сокращения имени вызывали у неё доверие, и умел подобрать интонацию человека, которого в системе будто никогда не существовало.

Дальше письмо советовало искать тех, кого «заставили сомневаться в собственных глазах». В первом профиле та же часть говорила о техническом несоответствии и запрещала самовольную проверку.

Последняя строка оставалась прежней.

Ника сняла браслет и записала различия от руки. Обращение. Статус исчезновения. Отношение к Палате. Рекомендуемое действие. Степень угрозы. Фактом в обоих вариантах считалось только получение ею второго уровня. Всё остальное меняло не тон, а смысл.

Третий профиль открыл самое короткое письмо.

«Доступ подтверждён. Цепочка происхождения сообщения намеренно разорвана. Проверь только контрольные числа. Любая инструкция внутри персонального слоя недостоверна».

После этого шла фраза о сорока двух.

Ника положила рядом три рукописных листа. Если бы письма читали три человека, один сообщил бы о дисциплинированном сотруднике во внешней командировке, второй — о пленнике Палаты, третий — об анонимном техническом информаторе. Они спорили бы о намерениях автора и каждый мог честно показать полученный текст.

Общим у них было меньше двадцати слов.

Она проверила контрольные числа. У трёх вариантов они отличались, как и положено преобразованным слоям. Но под последней строкой стояла четвёртая последовательность — та самая, которую она запомнила в учебнике. Пластина не показывала её на поверхности. Число проступало лишь в служебном режиме нового допуска.

Ника уничтожила цифровые протоколы и очистила память браслетов. Но дома нельзя было выяснить, совпало ли число школьного фрагмента с письмом или согласователь подставил ожидаемый результат.

Для этого требовался исходный журнал Палаты.

К началу смены ночное обновление учебника уже разошлось по школам. В опубликованной странице сто восемнадцать строки не было. Диаграмма выглядела безупречно. Ника открыла её на своём новом втором уровне и увидела собственную правку: «локальный конфликт возрастной маркировки, исправлено настройщицей Рей».

Ниже по-прежнему темнела отметка: «Наблюдение продолжено».

— Ты сегодня раньше, — сказал Оден.

— Ты тоже.

— Я всегда раньше. Просто ты обычно позже меня.

Его панель показывала обзор школьных реакций. Индекс доверия к главе рос. Ни один ребёнок не сообщил о пропущенном фрагменте.

Ника села и подключила идентификатор. Рабочее место приветствовало её уже не как кандидата, а как настройщицу второго уровня. Появились новые вкладки: первичные источники, спорные происхождения, отложенные преобразования. Доступ, ради которого она солгала, теперь позволял проверить ложь.

Она начала с безопасного запроса — итогового отчёта о размещении двухсот восьмидесяти шести жителей. Система выдала цепочку утверждений. Эвакуированы. Осмотрены. Распределены. Вернулись в прежние районы — двести сорок четыре. Выбрали новые места — сорок два.

Последнее число имело ссылку на приложение.

Ника открыла её.

«Недостаточный уровень доступа».

Рядом появилась возможность запросить служебную проверку основания. Такая проверка не открывала закрытый документ, а только подтверждала, что ссылка существует и число извлечено без ошибки. Обычная операция, тысячи раз в день выполняемая настройщиками.

Ника не нажала.

Сначала она создала три временных представления отчёта, используя те же тестовые профили. Здесь всё оказалось осторожнее, чем в письме. Институциональная версия сообщала, что сорок два жителя воспользовались программой добровольного переселения. Свидетельская — что после утраты домов они начали жизнь в новых районах. Процедурная — что адреса сорока двух изменены без указания способа подтверждения согласия.

Число сохранялось. Смысл действия — нет.

— Оден, — позвала Ника.

— Слушаю глазами.

— Как у тебя сформулированы последние две строки диаграммы?

Он поднял брови. Просьба сравнить слои нарушала этикет, но не правило.

— Зачем?

— Проверяю преобразование после вчерашней метки.

Оден провёл пальцем по своей панели.

— Двести сорок четыре жителя вернулись домой. Для сорока двух Палата создала безопасные условия в новых районах.

— Они выбрали переезд?

— Здесь не написано. А у тебя?

Ника увидела на своей странице: «сорок два выбрали новые места проживания».

— То же самое, — сказала она.

Ложь далась легче второй раз. Это и было самым неприятным.

Оден пожал плечами и вернулся к обзору. Ника сохранила его формулировку в памяти, не в журнале. В его версии действовала Палата. В её — сами жители. Одна строка распределяла не только слова, но и ответственность.

Она открыла служебную форму проверки ссылки. Поля заполнились автоматически: номер отчёта, приложение, контрольная сумма, причина запроса. В причине стояло: «плановая верификация опорного числа».

Ника заменила её на «проверка преобразования после локального конфликта». Если запрос увидит куратор, связь со вчерашней правкой будет выглядеть добросовестностью, а не поиском скрытого источника.

Палец завис над подтверждением.

Эм в институциональном профиле требовал передать письмо куратору. В свидетельском — не доверять Палате. В процедурном — не доверять никакой инструкции внутри письма. Следовать любой из них означало позволить согласователю выбрать её поступок.

Ника решила опереться только на число.

Она отправила запрос.

Панель ответила мгновенно: «Ссылка существует. Целостность подтверждена».

Подтверждение было слишком быстрым. Ника раскрыла техническую квитанцию. Проверка не обращалась к приложению: система сверила запрос с заранее подготовленным ответом. В поле происхождения ответа стояли нули.

Те же нули, что у строки в учебнике.

Она скопировала контрольную сумму на локальную площадку и ввела число из письма. Совпадение должно было вернуть простой зелёный знак.

Вместо него рабочее место погасло.

Не только экран — исчезли подсветка стола, звук общего канала и ощущение слабой вибрации идентификатора. Перегородки вокруг Ники стали прозрачными. Соседние панели продолжали работать, и несколько настройщиков одновременно повернули головы к внезапно тёмной ячейке.

— Рей? — Оден встал. — Ты что сделала?

Над столом включился белый физический индикатор, не зависящий от профиля.

РАБОЧЕЕ МЕСТО ИЗОЛИРОВАНО. НЕ ПОКИДАТЬ ЯЧЕЙКУ.

Ника потянулась к пластинке на запястье. Та не снималась. Служебное кольцо замкнуло крепление, хотя минуту назад идентификатор можно было оставить на столе.

— Обычная проверка, — сказала она Одено.

— У меня написано «расследование происхождения».

На внутренней стороне прозрачной перегородки Ника видела другое: «защита сотрудника при возможном заражении текста».

Вот оно. Даже изоляция не имела общего объяснения.

Общей оставалась только команда не выходить.

По ряду приближались двое служащих безопасности в серых куртках. Они не торопились. Система заранее закрыла проходы и попросила остальных настройщиков продолжать работу. Панели вокруг снова наполнились текстом; люди послушно отвернулись, хотя отражения выдавали их взгляды.

Ника проверила карманы. Пластины Эма при ней не было. Рукописные листы лежали дома. На рабочем месте она успела открыть только официальный отчёт и выполнить разрешённую проверку. Формально нарушения не существовало.

Кроме совпадения, которое система обнаружила раньше, чем показала ей результат.

На тёмной панели проступила строка мелким служебным шрифтом:

«Вы пытались сопоставить два объекта с разными уровнями допустимости. Укажите источник второго контрольного числа».

Поле ответа мигало.

Ника могла написать «запомнила во время вчерашней проверки». Это признание связывало её с удалённой строкой, но скрывало письмо. Можно было назвать случайный набор цифр и надеяться, что совпадение сочтут ошибкой. Однако система уже знала точность введённого числа.

Она оставила поле пустым.

Через десять секунд вопрос изменился:

«Получали ли вы сообщение от сотрудника, отсутствующего в общем справочнике?»

Серые куртки были уже у соседней ячейки.

Ника перечитала формулировку. Система не спрашивала имя Эма и не утверждала, что сотрудник исчез. Она проверяла, знает ли Ника категорию, которой не должно было существовать.

Рядом появились ответы «да» и «нет». Оба требовали подписи идентификатором.

Она не выбрала ни одного.

— Ника, — тихо сказал Оден через перегородку. — У тебя исчез профиль.

— Что?

— Я больше не вижу, как с тобой говорить.

Его панель действительно показывала пустой значок собеседника. Пока шло расследование, согласователь не подсказывал Одну безопасную формулировку и не переводил её ответы в удобный слой. Впервые они слышали одни и те же слова без посредника.

— Тогда говори как есть, — сказала Ника.

Оден испугался сильнее.

Служащий безопасности приложил ладонь к двери ячейки. Замок ещё не открылся. Сначала система должна была назначить уровень угрозы.

На панели возник третий вопрос:

«Подтверждаете ли вы существование сорока двух непризнанных?»

Ника почувствовала, как страх уступает место холодной ясности. До её запроса Палата могла представить строку испорченной разметкой, письмо — личной ошибкой памяти, число — совпадением. Но расследование само соединило их и назвало то, о чём она не сообщала.

Она нажала не «да» и не «нет», а край пустого поля. Новый допуск позволял просматривать происхождение вопросов.

У первых двух цепочки были закрыты. У третьего источником значился её собственный запрос, хотя слов «сорок два непризнанных» она в него не вводила.

Ника успела запомнить контрольное число вопроса.

Дверь открылась.

— Настройщица Рей, оставайтесь на месте, — произнёс служащий.

Те же слова горели на общем белом индикаторе. На этот раз система не предложила ни смягчения, ни объяснения.

За спиной служащих стоял Торн.

Он посмотрел на погасшую панель, затем на Нику и сказал:

— Второй уровень продержался у вас восемь часов. Это не рекорд, но близко.

В голосе не было ни угрозы, ни похвалы. Пока её профиль оставался пустым, Нике впервые некого было спросить, что именно он имел в виду.

Глава 3. Курьер неверного адреса

Торн не вошёл в ячейку. Он остановил служащего безопасности и спросил Нику, откуда у неё контрольное число.

— Из удалённого учебного фрагмента.

— Удобный ответ, — сказал он без подсказки согласователя.

Белый индикатор над погасшим столом сменил надпись: **ВНЕШНЯЯ ДОСТАВКА. ТРЕБУЕТСЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПОЛУЧАТЕЛЯ.**

Один из служащих безопасности посмотрел на свой браслет.

— На нижнем входе курьер. Утверждает, что посылка для этой ячейки.

— В расследуемую зону доставки не принимают, — сказал второй.

— Адрес действительный, — возразил первый. — У меня — хранилище первичных источников.

— У меня — кабинет наставника второго уровня.

Торн перевёл взгляд на Нику.

— А у вас?

На внутренней стороне перегородки появилась третья строка: **ПОЛУЧАТЕЛЬ: НИКА РЕЙ. МЕСТО ВРУЧЕНИЯ: ЯЧЕЙКА ИЗОЛЯЦИИ 4-17.**

— Ячейка изоляции, — ответила она.

Служащие одновременно замолчали. Их профили превращали один адрес в три помещения, но физический курьер уже стоял внизу с вещью, которая каким-то образом знала номер расследуемой ячейки.

— Отклонить, — сказал второй.

— Тогда каждый шлюз сохранит несовпадение адресов, — возразил Торн. — Через час о нём узнает половина Палаты.

— Кто курьер? — спросила она.

Первый служащий прочитал:

— Яр Невен. Двадцать один год. Независимый маршрутный подрядчик.

Имя Ника слышала от Эма. Не в письме — раньше, когда он ещё существовал в справочнике и жаловался, что один курьер способен найти дверь быстрее, чем Палата успеет решить, есть ли у неё адрес.

— Я его знаю, — сказала она.

Торн заметил слишком быструю ложь, но не поправил.

— Тогда вы и получите. Через служебный шлюз.

— Она под расследованием, — напомнил охранник.

— Поэтому пойдёт с вами через служебный шлюз. Там только физические метки.

Белое кольцо на запястье Ники разомкнулось. Рабочая пластинка отделилась от кожи, однако её экран остался чёрным.

— Пять минут, — сказал Торн. — Получите предмет, ничего не открывайте и вернитесь.

— А потом?

— Продолжим выяснять, почему вам доставляют то, чего не должно быть.

За задней дверью ячейки оказался металлический мост над кабельным колодцем. На трубах стояли номера, нанесённые краской; стрелки не менялись при приближении людей.

Первый охранник шёл впереди, второй — за Никой. Торн остался в зале.

У служебного шлюза двое приёмщиков спорили: один видел архивную единицу, другой — личную посылку.

За толстым стеклом Ника увидела курьера. Худой парень в короткой жёлтой куртке держал обеими руками плоский чёрный футляр. Рядом лежала снятая маршрутная лента. Видимо, на входе его заставили отключить профиль, но дверь всё равно не решила, куда его пропустить.

Он заметил Нику и поднял футляр, будто спрашивая: это ваше?

Ника подошла к стеклу. На футляре была белая физическая наклейка. Чернила не могли измениться под взглядом, однако адрес состоял из трёх прозрачных слоёв. Каждый слой содержал свою строку, и только при точном совмещении возникал номер здания Палаты.

— Кто заполнил метку? — спросила она через переговорное отверстие.

— Отправитель.

— Имя?

— Если бы оно было, я бы не торчал здесь сорок минут.

Голос Яра оказался низким и сердитым. Он не пытался казаться вежливым перед людьми Палаты.

— Что вы видели в адресе по дороге?

— Мастерскую, приёмную утраченных вещей, потом «вернуть отправителю». Но контрольный маршрут один.

Он повернул футляр ребром. В пластик был впаян ряд отверстий: механический код, который считывался не как текст, а как последовательность поворотов. Ника узнала начало контрольного числа из письма Эма.

— Откройте внешнюю створку, — приказал охранник приёмщикам.

— Сначала назначьте помещение, — сказала женщина.

— Помещение будет назначено после получения.

— Тогда система не разрешает получение.

Физическая автоматика требовала один адрес прежде, чем открыть дверь.

— Там есть ручной обход, — сказал Яр. — Или Палата может ночевать со своей дверью.

Ника осмотрела раму. Рядом с основным замком темнело круглое гнездо для аварийной пластины. Его не использовали при штатной доставке: ручной обход создавал запись о личной ответственности сотрудника.

— Мне нужен мой идентификатор, — сказала она.

— Он изъят, — ответил задний охранник.

— Тогда мы не получим футляр. Или вы можете подписать обход своим.

Охранники переглянулись: ни один не хотел привязывать своё имя к посылке.

Передний охранник достал её чёрную пластинку из запечатанного кармана.

— Только шлюз.

Ника вставила пластинку в гнездо. Экран двери показал предупреждение: РУЧНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ СОЗДАЁТ ОБЩУЮ ЗАПИСЬ. ОТМЕНА НЕВОЗМОЖНА.

Общую. Не персональную.

Она нажала кольцо замка.

Внешняя створка открылась. Яр вошёл в пустой промежуток между дверями. За ним сразу сомкнулось стекло, но внутренняя створка осталась закрытой.

— Передайте предмет на лоток, — велел охранник.

— Передам получателю, — сказал Яр. — Условие маршрута.

— Получатель перед вами.

— Может быть. У меня её имя — Ника Рей. На вашем пропуске написано иначе.

— В шлюзе профили отключены, — сказала она.

— Текст на людях отключить забыли.

Для второго человека створку пришлось открывать изнутри. Ника вошла в шлюз, прежде чем охрана успела запретить. Металлическая дверь закрылась за её спиной. В тесном пространстве пахло дождём и горячей пылью от маршрутной ленты.

Яр не отдал футляр.

— Эм где?

— Не знаю.

— Он сказал вручить ему или человеку, который назовёт лишнее число.

— Сорок два.

Пальцы Яра на ручке разжались, но футляр он удержал.

— Что это значит?

— Я надеялась, что вы знаете.

— Я знаю только, что Эм исчез из маршрутов три недели назад. Для меня он уехал на север. Для хозяйки его комнаты — расторг договор. Для его рабочего узла его никогда не было. Я решил, что он прячется от долгов, пока не получил эту метку.

— Когда?

— Сегодня утром. В ячейке возвратов лежала пластина с моим маршрутным знаком. Ни отправителя, ни оплаты. Только обещание, что путь зачтётся, если я не позволю машине выбрать окончательный адрес.

— И вы согласились?

— Машина украла у меня сестру. Мне стало любопытно.

За стеклом охранник ударил ладонью по панели. Внутренняя створка не открывалась, пока вручение не было подтверждено.

— Как зовут сестру? — спросила Ника.

Лицо Яра изменилось. Злость осталась, но теперь держала что-то более тяжёлое.

— Мира Невен. Только не говорите, что у вас она тоже уехала добровольно.

— У меня её вообще нет.

— Вот именно.

Он положил футляр на узкую полку. На крышке проступили отпечатки дождя. Ника вставила идентификатор в паз получателя. Футляр не открылся, но механический код на ребре сдвинулся, совмещая отверстия в одну линию.

Внутренняя створка отперлась.

— Предмет получен, — сказал охранник. — Курьер выходит тем же путём.

На панели Яра появилась зелёная стрелка к внешней двери. Он не двинулся.

— Маршрут завершён здесь, — сказал он.

— Здесь закрытая зона.

— Тогда почему мой пропуск показывает выход через Палату?

Ника взглянула на его маршрутную пластину. В её слое зелёная линия действительно продолжалась внутрь здания — не к лифтам, а по служебному контуру. Согласователь мог менять подпись адреса, но контрольная последовательность поворотов оставалась общей. Футляр требовалось не просто вручить. Его следовало провести через шлюз к какому-то физическому считывателю.

— Он должен пройти, — сказала Ника.

— Нет.

— Если развернёте его сейчас, доставка останется незавершённой. Несовпадение уйдёт во все маршрутные журналы.

Это был довод Торна, и охрана его узнала. Передний служащий связался с кем-то по внутреннему каналу. Ответ пришёл почти сразу.

— К архивному приёмнику, — сказал он. — Под сопровождением. Курьер не касается оборудования.

Они пошли по мосту вчетвером. Яр считал повороты по отверстиям маршрутной ленты.

— Левый, прямой, два вниз.

— Здесь нет лестницы вниз, — сказал охранник.

Яр показал на решётчатую площадку. Под ней проходила старая техническая галерея. Крышка открывалась только механическим рычагом.

— У вас нет лестницы в профиле, — поправил он.

Охранник дёрнул рычаг. Из стены выдвинулись ступени.

Внизу открытые кабели ещё помнили первоначальный план Палаты.

Маршрут закончился у низкого шкафа без дисплея. На дверце было сорок два прямоугольных гнезда. Сорок одно пустовало; в последнем торчала тусклая пластина.

Ника поднесла футляр. Замок отозвался щелчком.

— Не открывать, — напомнил охранник.

Но футляр открылся сам.

Внутри лежала прозрачная пластина с сеткой имён. Не текстовый экран — настоящая микрогравировка. Её нельзя было переписать под профиль, только осветить под разным углом. Рядом находился узкий ключ, подходивший к одному из сорока двух гнёзд.

Ника опередила охранника и подняла пластину к лампе.

Имена шли двумя колонками. У некоторых рядом стояли даты, у других — только прочерки. В верхней строке она увидела знакомую фамилию из внутреннего справочника, но не успела вспомнить откуда.

Яр выхватил пластину за край.

— Мира.

Он произнёс имя так тихо, что охрана не сразу поняла. Потом нашёл строку ногтем и прижал пластину к свету.

НЕВЕН МИРА. ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО. БИОГРАФИИ: 3.

— Это не доказательство личности, — сказал задний охранник. — Только надпись неизвестного происхождения.

— Вы только что провели её через собственный шлюз, — ответил Яр.

— По ошибочному маршруту.

— Ошибка знала имя моей сестры.

Ника смотрела на три слова после имени. Не «погибла», не «переселилась», не «пропала». Три биографии. Мира могла одновременно числиться в трёх взаимоисключающих жизнях, и каждый документ по отдельности проходил проверку.

— Когда вы видели её в последний раз? — спросила Ника.

— После аварии на Южном контуре. Она говорила, что её дом стоит, а я видел пустой квартал. На следующий день мой профиль показал, что сестры у меня никогда не было.

Один из охранников уже диктовал сообщение по закрытому каналу. Второй отнял пластину, но Яр успел прочесть всю строку.

Ника вынула узкий ключ из футляра. На нём стоял номер гнезда — двадцать семь. В шкафу двадцать седьмое место пустовало.

— Положите, — приказал охранник.

Она вставила ключ.

Шкаф загудел. В соседнем гнезде ожила старая пластина, та единственная, что хранилась здесь раньше. На её поверхности возникло контрольное число из вопроса системы: «Подтверждаете ли вы существование сорока двух непризнанных?»

Затем механический счётчик над дверцей сменил ноль на единицу.

Ника ждала текста, записи голоса, хотя бы ещё одного имени. Ничего не появилось. Шкаф лишь подтвердил, что одна из сорока двух физических частей вернулась на место.

По лестнице спускался Торн.

Он увидел открытый футляр, пластину в руках охранника и единицу на счётчике. Его лицо впервые потеряло спокойствие — не надолго, на один вдох.

— Закройте контур, — сказал он.

— Уже поздно, — Ника указала на механический счётчик. — Запись общая.

Торн подошёл к Яру.

— Вы прочитали имена?

— Одно.

— Согласователь мог показать вам ожидаемое.

Яр забрал у Ники свою снятую маршрутную ленту и поднял её между ними.

— Здесь согласователя нет.

Торн посмотрел на физическую гравировку.

— Имя не объясняет, что произошло.

— Зато объясняет, почему ваши тексты учили меня, что её не было.

Охрана встала между ними. Яр не сопротивлялся. Он смотрел не на Торна, а на пластину со списком, которую уже убирали в защитный пакет.

— Ника, — сказал он, будто они давно были знакомы. — Три биографии. Значит, где-то есть три адреса.

Торн повернулся к ней.

— Вы назвались ему?

— Моё имя было на футляре.

— В каком слое?

Ника вспомнила три прозрачные строки, которые только вместе давали номер Палаты.

— Во всех сразу.

Сверху донёсся гул закрывающихся шлюзов. На служебной трубе зажёгся красный физический маяк. Он не объяснял причину тревоги и не назначал виновного. Просто сообщал одно и то же каждому, кто мог его видеть.

Торн приказал увести Яра отдельно. Курьер шагнул к лестнице, но обернулся у первой ступени.

— Я довёз то, чего у вас нет, по адресу, которого у вас нет, — сказал он. — Теперь попробуйте оформить возврат.

Когда его увели, Ника осталась перед шкафом с сорока двумя гнёздами. Единица на механическом счётчике не менялась ни под каким углом.

Торн закрыл футляр.

— Пять минут закончились, — произнёс он. — Теперь поговорим о том, почему некоторые ошибки умеют находить дорогу домой.

Глава 4. Комната мягких разногласий

Комната была устроена так, чтобы два человека могли не согласиться и не почувствовать этого сразу.

Кресла стояли под углом. Между ними — тумба с двумя стаканами воды. Матовые стены поглощали резкие звуки. Свет расходился двумя пятнами: казалось, каждый сидит в собственной комнате и лишь по недосмотру видит соседа.

Рабочую пластинку Нике вернули, но положили на тумбу экраном вниз. Чёрный идентификатор остался у охраны. Дверь закрылась без щелчка.

Он снял жакет. Без серебряной полосы он выглядел старше.

— Яр Невен задержан? — спросила Ника.

— Курьер даёт объяснения службе маршрутов.

— Это не ответ.

— Его не арестовали и не лишили профиля.

Торн коснулся панели в подлокотнике. На стене перед Никой возникла запись: НЕШТАТНАЯ ДОСТАВКА. ПРИЧИНА: НАРУШЕНИЕ АДРЕСНОГО СОГЛАСОВАНИЯ. ПОСЛЕДСТВИЯ: НЕТ.

В его световом пятне текст был длиннее. Ника различала строки лишь краем глаза: там имелись слова «архивный контур» и «физический носитель».

— Вы видите другую запись, — сказала она.

— Разумеется. У нас разные обязанности.

— А если я пересяду?

— Получите мою стену под своим профилем.

— То есть всё равно не вашу.

Торн улыбнулся без удовольствия.

— Вы быстро усвоили второй уровень.

Перед глазами Ники горели красный маяк и единица над шкафом. Одна вернувшаяся часть из сорока двух.

— Что стало со списком?

— Помещён в защищённое хранилище.

— С именем Миры Невен?

— С набором гравированных знаков неизвестного происхождения.

— Вы испугались не неизвестного происхождения. Вы узнали шкаф.

Торн налил воду сначала ей, потом себе. Струя не дрогнула.

— Есть два способа провести этот разговор. Первый займёт несколько часов. Мы разберём использование изъятого идентификатора, допуск постороннего, вскрытие носителя и подключение неизвестного ключа. К утру система построит наиболее безопасное толкование.

— А второй?

— Мы признаем очевидное. Вы оказались рядом с ошибкой старой автоматики и действовали под давлением. Футляр приняли по неисправному маршруту. Курьер увидел имя, которое ожидал увидеть после личной утраты. Механический счётчик зарегистрировал предмет, но не подтвердил содержание. Вы устали и приняли совпадение за открытие.

На её стене появилась эта версия. В каждом предложении было достаточно правды, чтобы ложь не имела собственного адреса.

— И это увидят все?

— Это увидят те, кому понадобится объяснение.

— Одно и то же?

— Достаточно совместимое.

Ника взяла стакан без метки Палаты. У воды хотя бы существовал общий вкус.

— Зачем Эм собирал ключи?

Торн впервые отвёл взгляд.

— Архивист Ардо страдал профессиональной одержимостью. Он видел связи там, где другие видели отдельные сбои.

— Вы говорите о нём в прошедшем времени.

— Его контракт прекращён.

— Он жив?

— У меня нет подтверждения обратного.

— В письме Эма была строка, одинаковая для трёх профилей. Расследование знало её раньше меня. В старом шкафу сорок два гнезда. Физический список содержит сорок два имени. Ключ двадцать семь меняет общий счётчик. Сколько отдельных совпадений нужно, чтобы Палата назвала их причиной?

— Причина существует независимо от того, готовы ли люди выдержать её одновременно.

— Значит, вы знаете.

— Я знаю больше, чем могу доказать вам в этой комнате. И меньше, чем вам кажется.

— Почему комната называется комнатой мягких разногласий?

— Потому что раньше разногласия решали в других комнатах.

Торн вывел на стену старый снимок: толпа у закрытых ворот, плакаты с разными цифрами, перевёрнутый медицинский фургон.

— До согласователя городу предложили единую хронику переселения Южного контура. Одни сочли число погибших заниженным, другие — выдуманным. Обе стороны требовали не проверки, а признания. За шесть дней появились новые жертвы.

Мать никогда не рассказывала, почему при звуке толпы закрывает окна.

— И поэтому вы стали менять учебники?

— Мы научились отделять действие от толкования. Ворота должны открываться одинаково для всех. Но принуждение к одной памятной речи иногда опаснее различия.

— Список людей — это не памятная речь.

— Согласен.

— Тогда почему их нет?

— Система, созданная для смягчения толкований, однажды получила право смягчать происхождение фактов. Одни хотели остановить столкновения, другие — скрыть свои решения.

— Вы среди них?

— Я пришёл позже.

— Это не ответ.

— Другого сейчас не будет.

На стене снимки исчезли. Осталась короткая версия происшествия с курьером. Торн увеличил последнее предложение: **СОВПАДЕНИЕ НЕ СОЗДАЁТ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.**

— Эта фраза верна, — сказал он. — Вы можете подписать её, не солгав.

Он не требовал отрицать Миру Невен, только признать, что увиденного недостаточно.

— Что будет после подписи?

— Яр уйдёт. Нарушение маршрута закроют как техническое. Ваш доступ восстановят.

— И письмо Эма?

— Передадите его мне.

— Оно уже у вас.

— Копия. Я говорю о вашем доверии к его замыслу.

Он коснулся подлокотника ещё раз. Рядом с объяснением появился служебный приказ о назначении. Ника прочитала дважды, решив, что персональный слой подсовывает ей желание.

МЛАДШИЙ НАСТРОЙЩИК ПРОИСХОЖДЕНИЯ. ВРЕМЕННЫЙ ДОПУСК ТРЕТЬЕГО УРОВНЯ. ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК: ДЕВЯНОСТО ДНЕЙ.

Третий уровень открывал цепочки создания текстов. Ставка позволила бы матери отказаться от ночных смен.

— За молчание, — сказала Ника.

— За работу там, где ваши вопросы принесут меньше вреда.

— Под вашим наблюдением.

— Под моей ответственностью.

— Вы можете провести ближайшие месяцы снаружи, собирая обрывки, которые кто-то намеренно подбрасывает. Или войти в отдел происхождения и научиться отличать свидетельство от приманки. Я не предлагаю вам перестать думать. Я предлагаю не превращать первую догадку в публичный взрыв.

Мать увидит новую отметку допуска и не станет пересчитывать расходы на кухонной стене. Яр выйдет на маршрут. Никто не пострадает сегодня.

И где-то сохранятся три биографии Миры Невен, каждая достаточно удобная, чтобы не искать женщину между ними.

— Если я соглашусь, я получу доступ к журналам старой автоматики?

— К тем, которые нужны для ваших заданий.

— К происхождению неизменяемой строки?

— Если она войдёт в задание.

— То есть нет.

— То есть не сразу.

Он действительно хотел взять её внутрь и научить осторожности. Это было опаснее прямого шантажа.

— Яр должен выйти до моей подписи.

— Он выйдет после неё. Так работает обмен гарантиями.

— А если он расскажет о списке?

— Расскажет. Для одного профиля он будет травмированным братом, для другого — нарушителем, для третьего — свидетелем сбоя.

— Вы сделаете так, чтобы его никто не услышал одинаково.

— Мы сделаем так, чтобы город не вынес приговор на основании одного имени.

Ника посмотрела на рабочую пластинку. Чтобы подписать объяснение, требовался её обычный идентификатор; система уже вернула право касания. Она положила ладонь на экран.

Текст раскрылся полностью. Под четырьмя предложениями обнаружилась служебная приписка: СОТРУДНИК НЕ ИМЕЕТ НЕРАЗРЕШЁННЫХ КОПИЙ МАТЕРИАЛОВ И НЕ БУДЕТ ПЕРЕДАВАТЬ СВЕДЕНИЯ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ПРОВЕРКИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ.

— Срок проверки не указан.

— Потому что неизвестен.

— Можно добавить девяносто дней. Как в назначении.

Торн покачал головой.

— Происхождение строки старше вашего трудового договора. Я не стану обещать срок ради красивой симметрии.

Честность опять служила ему лучше лжи.

Ника подписала. Общими стали время, её имя и номер происшествия. Объяснение осталось персональным.

— Я принимаю назначение, — сказала она.

— Разумный выбор.

Он подтвердил приказ своим кольцом. На пластинке Ники появилась тонкая янтарная полоса третьего уровня — пока временная, прерывистая. Почти сразу за дверью погас сигнал блокировки.

— Я могу идти?

— После оформления допуска. Десять минут.

Торн надел жакет и вышел. Дверь закрылась так же бесшумно. Ника осталась одна, но два световых пятна сохранились, будто комната продолжала спорить сама с собой.

На пластинку пришло задание: шестьдесят страниц правил работы с цепочками происхождения.

Ника листала документ с нетерпением новичка. Янтарная полоса позволяла видеть номера узлов.

Ника коснулась номера происшествия.

Система показала связанные материалы: протокол доставки, журнал доступа, опись изъятых футляра. Содержимое было закрыто, но цепочки происхождения — видимы. У списка и ключа стоял серый источник без имени. У неизменяемой строки — тот же нулевой идентификатор, который она видела в учебнике и письме Эма.

Она не открывала физическое приложение: обращение создало бы запись. В учебных правилах нашёлся аварийный отпечаток — последовательность источников, правок, времени и контрольных сумм без самого текста.

Именно такой журнал требовал Эм. Не доказательство виновности, а карта дороги.

Под взглядом камеры Ника вызвала пример аварийного отпечатка и связала его с номером собственного происшествия. В журнале это выглядело как выполнение первого задания.

На экране возникла узкая цепь из двадцати семи звеньев. Первые двадцать шесть имели даты, отделы и подписи. Последнее, самое раннее, вместо автора содержало общий физический адрес: ЮЖНЫЙ КОНТУР. УЗЕЛ ВОЗВРАТА. ЯЧЕЙКА 4.

Под ним стояла дата аварии, о которой говорил Яр.

На седьмом звене имя редактора было скрыто, но контрольная сумма совпадала с прежним нулём механического шкафа. Ноль был записью, которую объявили отсутствующей.

В коридоре послышались шаги.

При проходе через дверь отпечаток исчез бы, а пластинку проверят.

Ника посмотрела на два стакана. Под каждым лежал тонкий впитывающий кружок, одноразовый и совершенно физический. Она поставила свой на раскрытую пластинку. Вода с края стекла смочила материал. Янтарные звенья просвечивали снизу.

Стилузом она перенесла цепь на кружок: длинный прокол — смена отдела, короткий — правка, два рядом — скрытый автор. На краю нацарапала четыре метки адреса и дату.

Шаги остановились у двери.

Она закрыла кружок стаканом, вернула пластинку к учебному документу, стилус — в паз.

Вошёл не Торн, а служащая допуска. Она принесла новый шнур для идентификатора и коробку с серебряной застёжкой.

— Поздравляю с назначением, — сказала женщина тоном, который мог означать и соболезнование. — Рабочая пластинка на проверку.

Ника протянула её.

— Аварийный отпечаток?

— В учебном примере было сказано создать.

— Обычно его создают после третьей страницы.

— Я хотела понять, зачем читать остальные пятьдесят семь.

Женщина взглянула на неё, потом на отметку обязательного чтения.

— Придётся всё равно.

Она очистила данные. Янтарные звенья исчезли, но под стаканом остался круг с проколами.

— Можете забрать личные вещи. Чёрный идентификатор заменят завтра.

— А курьер?

— Покинул здание три минуты назад.

Ника встала. Стакан трогать было нельзя: служащая увидела бы кружок. Она надела шнур, убрала пластинку во внутренний карман и направилась к двери.

— Вы забыли воду, — сказала женщина.

— Не хочу выносить из этой комнаты то, что у всех одинаковое.

Ника уже шагнула в коридор.

У первого поворота она остановилась перед автоматом утилизации. На стене рядом висела пачка чистых кружков для стаканов. Ника взяла один, вернулась на два шага и открыла дверь комнаты своим новым допуском.

— Всё-таки заберу, — сказала она.

Служащая стояла спиной, вставляя пластинку в проверочный порт. Ника подняла стакан, сложила проколотый кружок пополам и прижала к ладони. На его место положила чистый.

— Посуда остаётся, — напомнила женщина.

— Конечно.

В коридоре Ника спрятала кружок под застёжку. Сканер увидел только выданную упаковку, пластинку и шнур.

Она прошла через рамку.

На внешней лестнице шёл дождь. Ника думала не о словах на вывесках, а о дорогах, по которым они пришли.

Яра у ворот не было. На месте, где стоял его маршрутный велосипед, остался свежий след колеса. Тörn сдержал обещание ровно настолько, чтобы она могла убедить себя в правильности подписи.

Ника раскрыла коробку под навесом. Внутри лежала серебряная застёжка третьего уровня и сложенный кружок с двадцатью семью проколами. Чернила на нём отсутствовали. Любой согласователь увидел бы мусор.

Она провела ногтем по четырём меткам адреса.

Южный контур. Узел возврата. Ячейка четыре.

Теперь у неё был журнал происхождения строки, украденный без единого скопированного слова. И повышение, которое откроет двери тем, кто поверил в её молчание.

Глава 5. Четыре свидетеля

Проколы на бумажном кружке ничего не доказывали, пока их видел один человек.

Дома добыча выглядела случайно повреждённой подставкой из Палаты. Только Ника, помнившая порядок двадцати семи звеньев, видела цепочку. Мать заметила серебряную застёжку третьего уровня и обрадовалась прибавке. Ника промолчала о цене назначения.

В своей комнате Ника приложила кружок к рабочей пластинке. Янтарная полоса нового допуска вспыхнула, но цепь не восстановилась. Появилась надпись: ОТПЕЧАТОК НЕПОЛОН. ТРЕБУЕТСЯ КВОРУМ ПРОФИЛЕЙ: 4.

Ниже стояли четыре пустых поля. Первое приняло её идентификатор. Остальные потребовали профили с несовместимыми основаниями доверия: институциональным, личным, публичным и маршрутным.

Институциональный профиль был у Ники, маршрутный — у Яра. Публичный мог дать Лио Кест, ведущий популярной хроники Вериса.

Для личного требовалось право составлять варианты. Оно было у Савы Лин, знакомой Ники по учебному потоку и дочери одного из архитекторов согласователя.

Ника отправила ей безобидное сообщение: «Нужна помощь с учебным отпечатком третьего уровня. Ошибка кворума».

Ответ пришёл через минуту: «Поздравляю. Ошибки кворума не бывают учебными. Где?»

Они договорились встретиться в павильоне старого вокзала, где столы для семейного чтения принимали четыре профиля одновременно.

Яру Ника не могла написать. В протоколе доставки его адрес был закрыт. Она нашла единственную общую деталь — независимый маршрутный знак на футляре — и оставила сообщение в ячейке возвратов: «Адрес существует. Нужен четвёртый поворот». Если Яр проверял неоплаченные маршруты, он поймёт.

С Лио было проще. Его хроника принимала вопросы зрителей.

Ника спросила Лио, сможет ли он прочитать документ, обвиняющий его лично. Он потребовал эксклюзивный доступ. Она согласилась на доступ, не обещая публикацию.

К вечеру дождь очистил стеклянную крышу павильона. Под ней стояли длинные столы, а за прозрачной стеной темнели рельсы, давно превращённые в пешеходные дорожки. Сава уже ждала. Она носила серую форму составителя без знаков отдела и разбирала арендную пластинку, хотя это запрещала наклейка на корпусе.

— Ты получила третий уровень утром и уже нашла вещь для четырёх профилей. Либо ты гений, либо допуск — наживка.

— Можно выбрать оба варианта?

— Согласователь именно так и сделает.

Сава защёлкнула корпус и протянула ладонь.

Ника дала ей кружок.

— Следы стилуса, — сразу заметила Сава. — Двадцать семь групп. Ты вынесла отпечаток физически.

— Это учебный материал.

— Тогда я дочь человека, который изобрёл честные сноски.

— Твой отец действительно архитектор системы?

— Был одним из. Говорит, у плохих решений слишком много родителей.

К столу подошёл Лио, менее гладкий, чем в хронике. За ним плыл съёмочный шар.

— Запись исключить, — сказала Ника.

— Тогда это не эксклюзивный доступ.

— Доступ — да. Публикацию я не обещала.

— Вы предложили документ, который обвиняет меня.

— Я спросила, сможете ли вы его прочитать.

Лио посадил шар в футляр. Сава защёлкнула крышку до конца.

— Где четвёртый? — спросил Лио.

— Идёт неверным адресом, — ответила Ника.

Яр появился через десять минут со сложенным велосипедом на плече.

— Я думал, ты нашла Миру.

— Я нашла адрес, с которого началась строка о сорока двух.

— Тогда зачем они?

— Потому что одному из нас система не покажет дорогу целиком.

Яр поставил велосипед у стола. На запястье у него осталась красная полоса от снятой маршрутной ленты.

— Палата отпустила меня с тремя объяснениями. В одном я ошибся зданием. В другом принёс учебный реквизит. В третьем меня вообще вызвали ремонтировать шлюз. Какое подписала ты?

— Что совпадение не создаёт доказательства.

— Удобно.

— Иначе ты бы ещё давал объяснения.

— Значит, повышение настоящее.

— Настоящее. Как и журнал, который я украла с его помощью.

Яр сел. Этого пока хватило вместо прощения.

Они распределили места вокруг семейного стола. Ника вставила рабочую пластинку в первое гнездо. Сава приложила составительский знак ко второму, Лио — публичный профиль к третьему, Яр протянул маршрутную ленту к четвёртому.

— После задержания её заблокировали, — сказал он.

— Нужна не платёжная часть, а основание доверия, — ответила Сава. — Маршрут существует, даже если за него не заплатили.

Лента вошла в паз. Четыре поля на экране заполнились.

Ника положила кружок в считыватель. Янтарная, синяя, белая и зелёная линии четырёх профилей встретились в первом проколе.

КВОРУМ ПОДТВЕРЖДЁН. СОВМЕСТНОЕ ЧТЕНИЕ НЕ ОЗНАЧАЕТ СОГЛАСИЯ.

— Это стоило повесить над входом в город, — сказал Лио.

Цепочка из двадцати семи звеньев возникла на общем стекле. Теперь у каждого звена были подписи. Ника увидела знакомый журнал происхождения, но с новой колонкой: «Причина изменения».

— Начало в Южном контуре, — сказал Яр.

— Нет, — одновременно ответила Сава.

Они посмотрели друг на друга.

У Ники первое звено называлось: **СВИДЕТЕЛЬСТВО О ВОЗВРАЩЕНИИ. ИСТОЧНИК: ЯЧЕЙКА 4.**

На экране Яра стояло: **ОТКАЗ В ВОЗВРАЩЕНИИ. ОТВЕТСТВЕННЫЙ: МАРШРУТНАЯ СЛУЖБА.**

Сава видела: **НЕСОВМЕСТИМОСТЬ РЕЕСТРОВ. ИНИЦИАТОР ИСПРАВЛЕНИЯ: ПРОЕКТНАЯ ГРУППА.**

Лио прочитал своё:

— «Ложное свидетельство. Создатель: группа жителей Южного контура».

Версии обвиняли Палату, маршруты, архитекторов и самих свидетелей.

— Журнал тоже персонализирован, — сказал Яр. — Мы зря пришли.

— Нет, — Сава приблизила первое звено. — Названия разные, но контрольная сумма одна. Смотрите не на обвинение, а на операцию.

Код операции совпадал: источник приняли, затем сменили статус с «непроверенного» на «взаимоисключающий». Потом имена отделили от адресов и создали несколько биографий.

— Кто подписал? — спросила Ника.

Второе звено у Ники обвиняло отдел происхождения. У Савы — группу её отца, у Яра — диспетчерскую, у Лио — комиссию общественного доверия.

— Система не просто смягчает формулировки, — сказала Сава. — Она распределяет вину по ожиданиям читателя.

— Моя аудитория не доверяет учреждениям, — возразил Лио. — Почему у меня виноваты жители?

— Потому что ты публичный посредник, — Ника поняла раньше Савы. — Тебе показывают версию, в которой виноват источник. Тогда посредник остаётся необходимым.

Лио перестал улыбаться.

— А тебе?

— Версию, где виновато учреждение, но ошибка исправима изнутри. Чтобы я осталась. Яр провёл пальцем по своей зелёной цепи.

— Мне показывают виноватый маршрут. Чтобы я продолжал искать адрес вместо человека.

Сава молчала.

— А тебе дают отца, — сказал Лио.

— Мне дают наследственную вину, — поправила она. — Чтобы любое моё возражение выглядело попыткой защитить семью.

Она попыталась открыть третье звено. Стол потребовал совместного подтверждения. Четверо приложили пальцы к своим пластинкам.

Третье звено содержало дату создания правила множественных биографий. Под ней стояли сорок два анонимных кода и один протокол голосования. Имена участников голосования менялись между профилями, но число голосов оставалось общим: шестеро за, двое против, один воздержался.

— Девять человек, — сказала Ника. — Можно найти их по цепочке допуска.

— Если им не создали по три биографии, — ответил Яр.

С четвёртого звена шли четыре ветви: служебное расследование, эвакуационный маршрут, испытание согласователя и кампания ложных свидетельств.

— Нам нужно читать вслух, — сказала Ника. — Каждое звено. Записывать только то, что совпадает.

— Это двадцать четыре звена по четыре версии, — заметил Лио.

Они начали.

На пятом звене совпала дата, на шестом — число людей, на седьмом — операция: ИЗЪЯТИЕ ИСТОЧНИКА ИЗ ОБЩЕГО СЛОЯ.

— Вот преступление, — сказал Яр.

— Вот операция, — поправила Сава. — Мотив мы пока видим разный.

У Ники изъятие остановило панику. У Яра — скрыло ошибку маршрутов. У Савы — защитило эксперимент. У Лио — пресекло массовую фальсификацию.

— Четыре оправдания одного действия, — сказала Ника. — Не четыре действия.

На девятом звене возникло первое имя: ЭМ АРДО.

У Ники он запросил восстановление источника. У Савы — аудит алгоритма. У Яра — поиск получателей. У Лио — проверку слуха.

— Он собрал наши роли заранее, — сказала Ника. — Архивист, составитель, маршрутчик и публичный читатель.

— Не наши, — возразила Сава. — Любые четыре основания доверия. Но почему система требует именно несовместимые?

Лио приблизил предупреждение о совместном чтении.

— Потому что иначе все четверо увидят одно удобное обвинение и решат, что договорились.

Десятое звено не открылось. Вместо текста возникли четыре поля для устного свидетельства.

НАЗОВИТЕ ФАКТ, КОТОРЫЙ УМЕНЬШАЕТ ДОВЕРИЕ К ВАШЕЙ ВЕРСИИ.

— Хитрый замок, — сказал Лио. — Требуется испортить собственную историю.

— Начну, — Ника включила поле. — Палата скрыла происхождение строки, но Торн позволил Яру уйти и дал мне доступ, которым я сейчас пользуюсь. Он не ведёт себя как человек, которому нужно только уничтожить доказательство.

Её янтарная линия стала прозрачнее, и десятое звено открылось на четверть.

Яр сжал маршрутную ленту.

— Моя сестра исчезла из профиля после аварии. Но я не видел, кто изменил запись. Я решил, что это Палата, потому что ненавижу её объяснения.

Зелёная линия побледнела.

Сава долго смотрела на имя отца в своей версии.

— Он участвовал в создании раннего согласователя. Но ушёл из проектной группы до даты операции. Журнал может использовать его роль, а не подпись.

Синяя линия пропустила свет.

Все повернулись к Лио.

— Моя хроника существует потому, что люди мне доверяют.

Звено не изменилось.

— Это не уменьшает доверие к твоей версии, — сказала Ника.

Лио постучал пальцем по столу. За стеклянной стеной проходящая смотрела его вечерний выпуск на персональном экране; без звука он улыбался увереннее, чем здесь.

— Я продаю не факты, — произнёс он. — Я продаю ощущение, что зритель понял их раньше соседа. Если документ окажется скучным или неоднозначным, я иногда выбираю обвинение, которое лучше удержит внимание.

Белая линия стала почти невидимой. Десятое звено раскрылось полностью.

В нём не было имени виновного. Только общая инструкция Эма:

ЕСЛИ ВЫ ВИДИТЕ ЧЕТЫРЕХ ВИНОВНЫХ, ИЩИТЕ ОДНО ДЕЙСТВИЕ. ЕСЛИ ВИДИТЕ ОДНОГО ВИНОВНОГО, ИЩИТЕ ТЕХ, КОМУ БЫЛО ВЫГОДНО НЕ СПОРИТЬ.

Под строкой появился адрес следующего физического ключа. Не Южный контур и не Палата.

АРХИВ ПУБЛИЧНЫХ ХРОНИК. ХРАНИЛИЩЕ НЕВЫПУЩЕННЫХ ВЕРСИЙ. ЯЧЕЙКА 11.

Лио отдернул руку.

— Такого хранилища нет.

На его пластинке белая линия дрогнула, но адрес не изменился.

— Есть, — сказала Сава. — Иначе твой профиль попытался бы заменить его метафорой.

— Я работаю в архиве хроник два года.

— Значит, тебе показывали персональную планировку, — ответил Яр. — Привыкай.

Лио посмотрел на закрытый футляр съёмочного шара. Потом отключил его от питания, уже без просьбы Ники.

— Если я проведу вас внутрь, эксклюзив остаётся за мной.

— Нет, — сказала Ника. — Свидетельство не становится твоей собственностью.

— Тогда зачем мне рисковать?

Ника указала на четыре обвинения вокруг одного действия.

— Потому что в версии для тебя жители Южного контура сами придумали ложь. Если выпустишь её сейчас, станешь двадцать восьмым звеном.

Лио прочитал свою ветвь до конца. В ней его будущая хроника уже значилась как подтверждение массовой фальсификации. Система приготовила место для рассказа, которого он ещё не записал.

Он закрыл экран.

— Завтра ночью в архиве меняют носители, — сказал он. — У нас будет девять минут.

Стол предупредил, что аренда заканчивается. Четыре линии начали гаснуть. Ника успела сохранить только общий слой: даты, числа, операции и адрес ячейки 11. Персональные обвинения остались на пластинках участников.

— Никому не читать журнал в одиночку, — сказала Сава. — Даже если он откроется.

— И не пересказывать свою версию как общую, — добавил Яр.

Лио убрал обесточенный шар в сумку.

— Вы только что лишили меня двух основных навыков.

Они вышли из павильона разными дверями. Ника задержалась у стекла. На пустом столе семейного чтения ещё секунду светились четыре следа, не складываясь в один цвет.

Она пришла за подтверждением украденного журнала, а получила четырёх подозреваемых и одно действие без автора. Но теперь у них был адрес, которого не существовало для человека, работавшего в том же здании.

И девять минут, чтобы найти версию, которую Лио ещё не успел рассказать.

Глава 6. То, чего не меняют цифры

Девять минут начались не у двери архива. За два квартала Лио отдал публичный браслет мальчишке с пакетом лапши и велел через двенадцать минут бросить его в северную возвратную урну. На уличном табло записанное лицо Лио хвалило надёжность городских архивов; настоящий ведущий в тёмной куртке выглядел человеком, которого собственная улыбка разыскивает отдельно.

Архив публичных хроник занимал низкое здание с пятью стеклянными галереями. Невыпущенные версии, по словам Лио, не значились ни на плане, ни в правилах доступа.

— У ячейки одиннадцать должен быть физический адрес, — сказал Яр. — Цифры не могут вести в метафору.

— Могут вести в стену, — ответил Лио. — У нас половина старых номеров закрыта новыми панелями.

Ника посмотрела на служебную схему в его карманном стекле. У каждого галерея называлась по-разному. Для Лио — «зал авторских материалов», для Сава — «контур редакционной ответственности», для Яра — «приёмный узел», для Ники — «публичное хранилище». Но размеры помещений совпадали: сорок восемь на двадцать четыре шага. Толщина западной стены — два шага и ещё три десятых.

— Слишком толстая, — сказала она.

Яр увеличил план.

— Потому что на маршрутном слое там шахта доставки.

— На проектном — компенсационный зазор, — возразила Сава.

— А у меня акустическая защита студии, — сказал Лио.

Ника провела ногтем по четырём подписям.

— Разные причины. Один размер.

Они вошли за двадцать минут до смены. Лио шёл первым; Ника спрятала третий допуск под рукав. Он мог открыть происхождение текста — и сообщить Торну, где она находится.

Между стеллажами скользили роботы, меняя носители. На каждом горели номер гнезда и остаток времени до отключения. Слова менялись под читателя, числа — нет.

Лио остановился у западной стены.

— Здесь студия для срочных включений.

Ника увидела комнату проверки общественно значимых сообщений. Яр — площадку сортировки возвратов. Сава прочитала табличку вслух:

— «Узел согласования спорных материалов».

— Комната существует для каждого, — сказала Ника. — Только назначение не должно совпасть.

Дверь приняла Лио и включила красную полосу тишины.

За дверью были стол, четыре стула и решётка вентиляции. Ширина — десять шагов вместо двенадцати с третью.

Яр постучал по западной панели. Звук был глухим.

— За ней не шахта. Шахта дала бы пустоту.

Сава присела у плинтуса. Через равные промежутки шли крошечные метки: 03, 05, 07, 11, 13.

— Простые числа, — сказала она. — Проектировщики так обозначали узлы, которые нельзя было включать в последовательную нумерацию. Если вырвать страницу журнала, следующий номер выдаёт пропажу. А простые метки можно объявить контрольными.

— Где ячейка? — спросил Лио.

— Не где. Когда.

Сава указала на робота за стеклом. На его борту остаток работы уменьшился до восьми минут пятидесяти двух секунд. Метка 11 мигнула, когда число стало кратно одиннадцати.

Ника приложила физический кружок с проколами. Панель не отозвалась. Яр прижал маршрутную ленту к метке, Лио — палец, Сава — составительский знак. Четыре основания доверия сошлись, но замок показал четыре разных отказа.

Ника увидела: НЕДОСТАТОЧНАЯ СЛУЖЕБНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ.

Яр: АДРЕС ВЫВЕДЕН ИЗ ДОСТАВКИ.

Сава: ПРОЕКТНЫЙ УЗЕЛ НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

Лио усмехнулся без веселья:

— «Материал уже выпущен».

— Отказы меняются, — сказала Ника. — Значит, это текст. Ищем то, чего система не меняет.

Под каждым отказом стояли три числа. У Ники — 42:286:17. У Яра — 42:286:09. У Савы — 42:286:31. У Лио — 42:286:24.

— Первые два совпадают, — сказал Яр.

— Сорок два из двухсот восьмидесяти шести, — Ника вспомнила диаграмму в школьной истории. — Перемещённые жители.

— Третьи похожи на номера версии, — предположил Лио.

Сава сложила их: восемьдесят один.

— Не сумма. Интервалы. Семнадцать до девяти — минус восемь, девять до тридцати одного — двадцать два, тридцать один до двадцати четырёх — минус семь.

— Порядок профилей может быть другим, — сказал Яр. — Маршрут начинается не с того, кто старше по должности, а с точки приёма.

Они переставили основания: публичный, институциональный, составительский, маршрутный. Числа легли в последовательность 24, 17, 31, 9.

— Двадцать четыре семнадцать тридцать один девять, — произнёс Лио. — Пароль?

Ника посмотрела на проколы кружка. Двадцать семь групп не помещались в четыре числа, зато расстояния между четырьмя самыми глубокими отметинами совпадали: двадцать четыре, семнадцать, тридцать один, девять условных долей.

Она повернула кружок так, чтобы глубокие проколы легли на метки панели. За стеной щёлкнул механический фиксатор.

Осталось семь минут сорок одна секунда.

Панель отъехала на ладонь. За ней не было комнаты — только узкий проход между двумя стенами. Людям приходилось идти боком. Лио втянул живот и прошептал:

— Я два года жаловался на тесную студию.

— Тебе давали объяснение вместо ширины, — ответил Яр.

В конце прохода стоял шкаф с одиннадцатью металлическими кассетами. Первые десять были опечатаны серыми лентами. Одиннадцатая не имела ручки. На ней светились четыре счётчика, каждый показывал своё время, но разница между соседними оставалась одинаковой: двести восемьдесят шесть секунд.

— Часы персонализированы, — сказал Лио. — Как это вообще возможно?

— Показывают разные точки отсчёта, — ответила Сава. — Не разную длительность.

Ника выбрала самый короткий счётчик. Шесть минут пятьдесят девять секунд до смены носителей. Под цифрами возникла надпись: ПОДТВЕРДИТЕ ПРИЧИНУ ДОСТУПА.

— Не отвечаем словами, — сказала она.

Яр осмотрел кассету снизу и нащупал четыре колеса. Вместо букв на них были числа. Первое допускало значения до сорока двух, второе — до двухсот восьмидесяти шести, третье — до двадцати семи, четвёртое — до одиннадцати.

— Люди, весь список, звенья журнала, ячейка, — перечислил он.

Они выставили 42–286–27–11. Кассета открылась.

Внутри лежали прозрачные пластины: столбцы чисел, интервалы и следы правок без текста. Вместо признания Ника получила бухгалтерию отсутствия.

— Эм спрятал пустые таблицы? — Лио поднял первую пластину к свету.

— Не пустые, — сказала Ника. — Это происхождение без формулировок.

Строки распределялись по сорока двум кодам: время поступления, число биографий, интервалы между правками. У кода 27 значились три биографии — столько же было у Миры Невен в физическом списке.

Яр увидел это одновременно с Никой.

— Двадцать седьмая — она.

— Возможно, — сказала Ника.

— В шкафу был её ключ.

— Ключ открыл гнездо с её именем. Здесь только тот же номер. Это сильная связь, но не тождество.

Яр дёрнул пластину к себе.

— Ты опять защищаешь Палату словами о проверке.

— Я защищаю Миру от того, чтобы мы назначили ей историю раньше, чем нашли её саму. До смены оставалось пять минут двадцать секунд. Роботы за стеной двигались быстрее.

Сава разложила пластины по времени. Между поступлением сорока двух людей и созданием первых биографий прошло четырнадцать минут. Между первой и второй биографией — ровно двести восемьдесят шесть секунд для каждого. Третьи биографии возникли через разные интервалы, но все до официального сообщения об аварии.

— Значит, версии подготовили заранее, — сказал Лио.

— Нет, — возразила Сава. — Первую создали после поступления. Но до того, как город узнал о событии. Это не доказательство замысла аварии. Это доказательство замысла сокрытия.

Ника нашла столбец, где двести восемьдесят шесть строк были разбиты на группы. Сорок две помечены нулём публичного подтверждения. Остальные двести сорок четыре получили единицу, но у единицы было четыре разных словесных значения на их профилях: «возвращён», «учтён», «принял помощь», «прошёл проверку».

— Число одно, — сказала она. — Смысл единицы меняли.

— Значит, цифры тоже лгут, — произнёс Лио.

— Нет. Лжёт подпись к ним. Цифра говорит только, что запись попала в одну группу.

Мы сами хотим назвать группу спасёнными.

Лио опустил пластину.

— Из этого не получится хроника.

— Поэтому это и не выпустили, — сказала Сава.

На последней пластине интервалы складывались в координаты закрытой ветки под Южным контуром. Разные планы называли её резервуарами, пересадочным узлом, санитарной зоной и испытательным полигоном.

Но длина тоннеля совпадала у всех: одна тысяча восьмьсот сорок метров. Глубина — тридцать один. Число платформ — ноль.

— Станция без платформ? — спросил Лио.

Яр приблизил старый маршрутный слой.

— Или платформа, которую перестали считать.

Под координатами шла последовательность времён: 00:42, 02:86, 00:27, 00:11. Невозможное время 02:86 заставило Нику перестать читать числа как часы.

— Это наш путь сюда, — сказала она. — Сорок два, двести восемьдесят шесть, двадцать семь, одиннадцать. Эм не оставлял координаты прямо. Он оставлял способ отличить ключ от объяснения.

С обратной стороны пластины проступила строка, одинаковая на всех четырёх профилях:

СТАНЦИЯ 0. ВХОД ПО ИНТЕРВАЛУ. НЕ ПРИНОСИТЕ ВЕРСИЮ СОБЫТИЯ.

— Вот и метафора, — сказал Лио.

Яр покачал головой.

— Нулевой номер бывает у служебных станций до включения в маршрут. Если её не ввели, номер так и остался.

Три минуты девять секунд.

В коридоре погасла красная полоса тишины. Публичный браслет Лио, гулявший по северной галерее, добрался до возвратной урны. Архив обнаружил два завершения одного визита: браслет вышел, а дверь студии оставалась закрыта.

— Теперь у системы вопрос, — сказал Лио.

За панелью слышались шаги охраны.

Сава собрала пластины.

— Забираем всё.

— Нельзя, — Ника указала на четыре счётчика кассеты. — Изъятие станет общим числовым событием. Палата узнает, какую ячейку открыли.

— Она всё равно узнает о двери.

— О двери у неё будут версии. О пустой кассете — один остаток.

Ника приложила третий допуск к внутреннему считывателю и запросила копирование контрольных столбцов без текста. Система предупредила о регистрации операции. Она подтвердила. Если Торн следил за её допуском, тайна закончилась сейчас. Но физический журнал получил новую запись, которую нельзя было объявить отсутствующей.

Кружок с проколами нагрелся. На его обороте появились координаты станции и интервалы сорока двух кодов.

Они вернули пластины в прежнем порядке. Сава закрыла кассету, Яр сбил колёса на разные числа. Лио протиснулся в проход первым и замер у панели.

— Двое охранников. У меня они пришли проверить студийную тревогу.

— У меня — задержать нарушителя служебного контура, — сказала Ника.

— Значит, ещё не знают, кого ищут, — ответил Яр.

Он снял решётку. За ней шёл канал для пустых кассет, куда едва проходили плечи.

— Это не выход, — сказал Лио.

— Это адрес, который продолжается.

Яр полез первым. Сава следом протолкнула кружок Нике. Лио задержался на секунду, слушая, как охрана открывает студию его именем.

— Если нас поймают, моя версия будет самой красивой.

— Расскажешь её после цифр, — сказала Ника.

Они выползли в зал за двадцать две секунды до перезапуска и смешались с техниками, которые считали их то редакторами, то курьерами.

Когда отсчёт дошёл до нуля, свет погас и вернулся белым. На целую секунду таблички не успели выбрать обращения. Над дверями остались только номера.

Ника увидела город без объяснений: восемь выходов, сорок восемь рядов, одиннадцать служебных ячеек. Потом слова вернулись и снова распределили людей по удобным причинам.

На улице Яр развернул маршрутную ленту. Координаты вели к закрытой ветке под Южным контуром. Время доступа было задано не часом, а интервалом между двумя ночными грузовыми составами — семь минут, одинаковых для любого профиля.

— Завтра? — спросила Сава.

— Сегодня, — сказал Яр. — Первый состав через сорок три минуты.

— Мы нашли сорок две записи без имён, станцию без платформ и доказательство, которое запрещает назвать случившееся.

— Оно запрещает назвать случившееся раньше свидетельства, — ответила Ника. — Но существование события уже не мнение. Сорок два человека поступили в один узел. Им создали версии до публичного сообщения. Записи изъяли из общего слоя. Эти числа никто из нас не прочитал иначе.

Она сжала тёплый кружок. На нём не было виновного, мотива и готовой хроники. Только цепочка действий и место следующей проверки.

Этого оказалось меньше правды, чем хотелось каждому из них.

И больше общей реальности, чем Верис оставлял им прежде.

Глава 7. Станция Ноль

Первый грузовой состав прошёл под Южным контуром, когда они ещё спускались по аварийной лестнице.

Ступени дрогнули. Из шахты ударил тёплый воздух с запахом железной пыли. Ника прижала ладонь к перилам и почувствовала, как вибрация уходит вниз, к закрытой ветке. На кружке Эма побледнела первая риска. До второго состава оставалось семь минут.

— Мы опоздали, — сказал Лио.

— Мы вошли в интервал, — поправил Яр. — Время считают от хвоста первого, не от головы.

На их профилях лестница имела четыре разных назначения. Только число ступеней совпало: сто тридцать одна.

На сто тридцать второй под ногой Ники оказалась ровная бетонная площадка.

— У меня лестница должна продолжаться, — сказала она.

Яр провёл лентой по стене.

— У меня тоже. Ещё двадцать три ступени.

Они вчетвером упёрлись в стену. Бетон подался без замка и звука. За ним открылся короткий коридор, облицованный белой плиткой. На плитках не было ни стрелок, ни объявлений, ни персональных подписей — лишь чёрные деления через каждый метр.

Кружок остыл. Вторая риска исчезла.

— Вход по интервалу, — сказала Ника. — Дверь открывается между составами.

— Значит, обратно тем же способом, — отозвался Лио и придержал стену.

Она закрылась, едва он убрал руку.

В конце коридора лежала станция.

Платформа была, несмотря на ноль в плане. Узкая, с жёлобом для колёс и чёрным тоннелем по обе стороны. На стене сохранился след снятого названия и четыре винта.

Ника сосчитала двери вдоль платформы. Сорок две.

За одинаковыми створками от 001 до 042 оставались пустые полки, крепления и обрезанные трубки.

Яр рванул дверь 027.

Внутри было светлее, чем в остальных ячейках. На стене темнели три прямоугольника, будто оттуда недавно сняли таблички. В сливном отверстии застряла длинная светлая нить.

— Волос, — сказал он.

Ника не вошла.

— Или волокно фильтра.

— Ты можешь хоть раз не отнимать у меня найденное?

— Если это её волос, нам нужен способ доказать, откуда он. И согласие Миры на то, что мы с ним сделаем.

— Если она жива.

Яр достал конверт, подцепил нить маршрутной лентой и запечатал, указав место, время и номер двери.

— Так достаточно честно?

— Для начала, — ответила Ника.

Он отвернулся. Между ними осталось открытое окошко ячейки, в котором ничего нельзя было увидеть.

Сава двигалась вдоль стены, касаясь винтов под бывшей вывеской. У третьего её палец замер.

— Здесь должен быть журнал эвакуации.

— Откуда знаешь? — спросил Лио.

— Такие станции строили по одному стандарту.

— В каком году?

Сава не ответила. Она нажала на винт составительским кольцом. Свет на платформе погас, затем включился снова — не белый персональный, а тускло-зелёный аварийный. Над дверями появились общие номера. В центре стены отъехала плитка, открыв гнездо старого носителя.

Внутри лежала катушка.

Лио выдохнул:

— Голосовая.

У катушки не было подписи. Четыре контакта, рассчитанные на разные служебные ключи, были соединены тонкой медной перемычкой. Ника вставила кружок Эма в приёмник. Яр приложил маршрутную ленту, Сава — кольцо, Лио — публичный браслет. Динамик над платформой щёлкнул.

Сначала они услышали неровный человеческий вдох.

— Если вы слышите один и тот же голос, — сказал Эм, — не торопитесь считать одинаковым всё остальное.

Лио поднял браслет, но Ника опустила его руку.

— Не записывай поверх источника.

— Я проверяю, идёт ли общий слой.

На четырёх устройствах двигалась одна звуковая волна.

Эм назвал дату аварии и номер станции. Сказал, что сорок два человека прибыли сюда в течение двадцати одной минуты. Ни один не был зарегистрирован под именем. Их обозначили кодами, потому что согласователь не мог подобрать для них безопасные биографии, не разрушив уже выпущенные сообщения.

— Они спорили не о том, что помнят, — продолжал голос. — Они спорили о том, что с ними сделали. Это важное различие. Не превращайте их в хор только потому, что так легче обвинять Палату.

За дверями 001–042 оставались пустые полки.

— Где они? — выкрикнул Яр, будто запись могла ответить.

Катушка продолжала вращаться.

На третью ночь хранилища опустели. Часть людей перевели в реабилитационный контур, часть отказалась от сопровождения, судьбу семерых Эм не проверил. Указатель открывался только личными ключами участников.

— Если вы искали доказательство, которое можно выпустить без них, вы нашли только границу своего права, — сказал Эм. — Здесь есть след операции. Свидетельство принадлежит свидетелю.

Яр сжал конверт с нитью. Ника ждала, что он снова обвинит её в осторожности, но он спросил у динамика:

— А как их найти?

Запись на секунду стихла. Потом Эм произнёс четыре числа: тридцать один, сорок два, семь, ноль.

Кружок в приёмнике нагрелся, однако новой надписи не появилось.

— Глубина, люди, окно, станция, — сказал Лио. — Мы это уже знаем.

— Значит, это не адрес, — ответила Ника.

Под платформой лязгнул металл. На табло вспыхнуло: СЛУЖЕБНЫЙ ИНТЕРВАЛ ЗАВЕРШЁН. Затем объяснения разделились по профилям.

Сава смотрела только на цифры внизу.

— Ноль сорок две, — сказала она. — До второго состава сорок две секунды.

Они побежали к входному коридору. Бетонная дверь не поддавалась. Яр ударил в неё плечом, нашёл щель маршрутной лентой, но за стеной уже опустился стальной затвор.

— Палата? — спросил Лио.

Ника приложила третий допуск. На её браслете возникло имя Торна и короткая строка: **ОСТАВАЙТЕСЬ НА МЕСТЕ. КОНТУР НЕ БЕЗОПАСЕН.**

— Палата, — ответила она.

Второй состав прошёл за стеной. Воздух сжался, зелёные лампы погасли одна за другой. Когда грохот удалился, дверь не открылась.

— Интервал сбросился, — Яр провёл ладонью по затвору. — Следующий ночью.

— Если нас оставят до ночи, — сказал Лио.

На платформе включилась вентиляция. Из решёток потянуло сладковатым холодом. Сава закрыла рукавом рот.

— Это не газ. Понижают температуру, чтобы мы ушли в укрытия.

Двери ячеек начали закрываться по очереди: 001, 002, 003.

— Сорок две камеры, — сказал Яр. — Очень заботливо.

Ника вернулась к катушке. Последние числа могли означать глубину, дверь, минуты и профиль. Но Эм предупреждал не превращать данные в готовую подпись.

— Ищем отношения между числами, — сказала она. — Не значения.

— Тридцать один до сорока двух — одиннадцать, — быстро ответил Яр. — Сорок два до семи — тридцать пять. Семь до нуля — семь.

Лио посмотрел на двери.

— Одиннадцать, тридцать пять, семь.

Они открыли ячейку 011. В полу не оказалось ничего, кроме двух рельсов. В 035 трубы образовывали прямоугольник. В 007 на стене сохранился рычаг без рукояти.

— Это три части одного механизма, — сказала Сава. — Одиннадцатая — грузовой привод, тридцать пятая — обход охлаждения, седьмая — ручной пуск.

Она говорила слишком уверенно.

Яр встал между ней и выходом из ячейки.

— Откуда ты знаешь станцию, которой нет на планах?

— По стандарту.

— Какому?

Дверь 018 захлопнулась. Потом 019.

Сава потёрла составительское кольцо. В зелёном свете её лицо казалось старше, но голос стал почти детским:

— Стандарт назывался «Нулевая среда». Его проектировал мой отец.

Лио перестал искать рукоять.

— Тот самый отец, который, по твоей версии, проверял вентиляцию библиотек?

— Я никогда так не говорила. Это согласователь подставлял вам подходящую профессию. Я не исправляла.

— Удобное различие, — сказал Яр.

Сава кивнула, принимая удар.

Её отец, Геран Лин, проектировал физические узлы происхождения записей. После первых городских беспорядков Палата потребовала обратную функцию — удалять общий источник сразу во всех профилях.

— Он согласился, — сказала Сава. — Считал, что на несколько часов. Пока люди не перестанут убивать друг друга из-за одной хроники.

— А получилось навсегда, — произнёс Лио.

— Получилась машина, у которой временный режим стал основным.

— Ты пришла к нам не из-за Эма.

— Эм нашёл меня после исчезновения отца. Я хотела узнать, отец включил стирание сам или только оставил Палате инструмент.

— И поэтому молчала, пока мы доверяли тебе ключи, — сказал Яр.

— Если бы назвала его имя, вы бы читали каждый след как признание.

— А теперь как его читать?

Сава посмотрела на закрывающиеся двери.

— Как мой страх. Не как доказательство его вины.

Проверяемость не отменяла предательства. Она лишь не позволяла назвать его большим, чем оно было.

— Ты знала, что здесь есть ручной выход? — спросила она.

— Догадывалась. Отец всегда оставлял физический откат. Но схема требует трёх удалённых действий одновременно. Один человек не должен уметь стереть источник — и один не должен уметь вернуть.

Дверь 027 прижала куртку Яра, когда он забирал конверт. Ника и Лио высвободили его. Открытыми остались ячейки 011, 035, 007 и 042.

— Почему сорок вторая? — спросил Лио.

— Потому что последовательность не закончена, — сказала Ника. — Тридцать один, сорок два, семь, ноль. Мы взяли интервалы, но пропустили переход от нуля к тридцати одному.

— Тридцать один.

— Или минус тридцать один, если считать по кругу.

Яр посмотрел на нумерацию дверей.

— В круге из сорока двух от нуля назад тридцать один — одиннадцать. Мы уже там.

Сава покачала головой.

— Ноль — не дверь. Ноль — платформа.

Под бывшей вывеской шли четыре винта. Ника повернула последний. В центре платформы поднялась узкая педаль — ручной нулевой контакт.

Охлаждение усилилось. На браслете Ники Торн повторил требование, теперь без персональной причины: НЕ АКТИВИРУЙТЕ АВАРИЙНЫЙ КОНТУР. Общая строка означала, что Палата отказалась от разных объяснений.

— Он знает, что мы нашли, — сказал Лио.

— Или знает схему станции, — ответила Ника.

Яр взялся за скобу в 011, Сава замкнула кольцом трубы в 035, Лио встал у рычага в 007, Ника — у педали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.